

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

УДК 316.77

DOI: 10.17223/1998863X/33/15

А.М. Антонюк

ВИРТУАЛЬНАЯ ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА: ПОТЕНЦИАЛ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Рассмотрены неоднозначные тенденции в развитии Интернета, которые могут препятствовать осуществлению его потенциала как публичной сферы. Рассмотрение проблем использования Интернета в демократических государствах в социологической перспективе помогает выявить новые основания для оценки коммуникации. Предложенное понимание проблем виртуальных коммуникаций может стимулировать рефлексию по поводу условий общения и их регулирования.

Ключевые слова: публичная сфера, виртуальная коммуникация, Интернет, критическая теория, Юрген Хабермас.

Использование Интернета для привлечения людей к политическому участию представляет общий интерес для гражданских активистов, политиков и исследователей. Начиная с массового распространения доступа в Интернет в 1990-е гг. и появления онлайн-площадок для общения, ведутся дискуссии о новых возможностях и формах участия граждан в обсуждении общезначимых проблем, развития альтернатив доминирующим дискурсам, влияния на общественное мнение и принятия решений при помощи новых технологий. В то же время возникают проблемы киберпреступности, нарушения права на тайну частной жизни, масштабной государственной слежки. Фактическое использование Интернета может быть далеким от идеала, предлагаемого сторонниками демократического использования сети. Общее понимание проблем, связанных с Интернетом, формируется преимущественно в правовой, политической, экономической или технологической перспективе, что приводит к поиску односторонних решений, которые не учитывают факторов, выходящих за пределы указанных подходов. В условиях соперничества разносторонних и плохо координированных точек зрения на проблемы и способы регулирования сети маргинальным оказывается демократический дискурс, подчеркивающий политическое значение и характеристики виртуального публичного пространства. Под влиянием разносторонних интересов, представленных коммерческими компаниями, рекламными агентствами, государственными организациями, политическими партиями и традиционными СМИ, площадки для общения и инфраструктура Интернета подвергаются неявным трансформациям, затрагивающим роль и потенциал их применения в демократическом обществе. Цель данной статьи – предложить обзор некоторых проблемных черт виртуальных пространств для коммуникаций в перспективе теории публичной сферы. Данная точка зрения позволяет сформулировать критерии для оценки положения Интернета в более широком социальном контексте, а также представить альтернативную нормативную критику условий для фактического осуществления публичной коммуникации.

Публичная сфера и жизненный мир

Возникновение обособленной сферы общения граждан, способных влиять на экономику и политику, Хабермас представил в своей книге «Структурная трансформация публичной сферы» [1] на основе исторического исследования публичных пространств в буржуазных европейских государствах. Характерной чертой исторически сложившихся условий для общения являлась свобода от ограничений политической, экономической, религиозной систем общества, позволяющая высказывать, аргументировать и отстаивать различные точки зрения, а также приходиться к согласию по поводу общезначимых проблем. Совокупность таких условий привела к возникновению нового типа публичности, формирующей взвешенное общественное мнение по поводу общезначимых тем. Нормативной основой буржуазной публичности выступали принципы этики дискурса, отражающие сущностные характеристики общения в повседневной жизни: принятие последствий, следующих из соблюдения обсуждаемых норм; участие в практическом дискурсе всех, затрагиваемых обсуждаемым вопросом; отсутствие принуждения к согласию [2]. В реальных условиях существование такого рода публичности подрывается систематически искаженной коммуникацией – инструментальными, стратегическими действиями сторон, отстаивающих узкие интересы.

Несмотря на то, что возникновение публичной сферы было обусловлено конкретными историческими условиями, по мнению Хабермаса, именно выстроенная по ее образцу публичная коммуникация предоставляет единственную возможность для принятия политических решений в современных обществах [3. С. 202]. Таким образом, идеально-типические черты публичной сферы могут выступать основанием для оценки фактически осуществляемой коммуникации.

Возможность воплощения идеала публичной сферы через соблюдение принципов этики дискурса основана на осуществлении коммуникативных действий, направленных на достижение понимания. Коммуникативное действие определяется как «та форма социального взаимодействия, в которой планы действий различных акторов координируются посредством обмена коммуникативными актами, то есть путем использования языка, направленного на достижение понимания» [4]. Коммуникативное действие характеризует взаимодействие в жизненном мире – сфере само собой разумеющихся повседневных действий и правил. Для нее характерны типы взаимодействия и рациональности, отличные от действующих в экономических и политических институтах. Коммуникативное действие и коммуникативная рациональность противостоят инструментальному действию и формальной рациональности, которую характеризует ориентированное на эффективность вычисление соотношения средств и целей. Коммуникативная рациональность предполагает принятие перспектив других людей. Открытое общение равных участников, осуществляемое в жизненном мире согласно его правилам, делает возможными реализацию силы наилучшего аргумента и достижение взаимного согласия. Именно этика дискурса закрепляет имплицитно присутствующие в публичном дискурсе императивы жизненного мира [3. С. 199–200].

Принципы этики дискурса могут быть нарушены стратегическими интересами участников. В отношении нарушений коммуникативного действия

Хабермас говорит о «систематических искажениях коммуникации», утверждая, что подобные искажения возникают из-за расширяющегося господства инструментального типа рациональности, характерного для экономической и политической систем общества. Эта тенденция ставит под угрозу легитимность решений, принимаемых в условиях подверженной систематическим искажениям коммуникации. Столкновение с целями и правилами жизненного мира приводит к разрушению контекста для принятия точек зрения других и достижения согласия. Договоренность подменяется поверхностным согласием, отражающим неравенство сторон. Исключение коммуникативной рациональности закрепляется и воспроизводится за счет затруднения рефлексии по поводу сложившегося положения, поскольку навязанные цели и правила ведения дискуссии принимают статус само собой разумеющихся.

В условиях коммерциализации традиционных СМИ публичные пространства Интернета обладают рядом черт (анонимностью, децентрализацией и др.), которые предположительно позволяют избежать неравенства статусов и интересов в общении. В то же время эти свойства не являются фиксированными и подвергаются ограничениям и изменениям. Их вклад в реализацию демократического идеала публичной коммуникации оценивается неоднозначно.

Так или иначе, целесообразно задать ряд вопросов в отношении изменяющихся характеристик пространств для общения в сети, руководствуясь названными характеристиками публичной сферы. Как в них проявляются императивы экономической и политической систем общества? Какие черты жизненного мира воплощаются в виртуальном пространстве или, иначе говоря, опосредованной компьютером коммуникации? Возможны ли в ней осуществление коммуникативного действия и взаимное принятие перспектив? Для приближения к ответам на эти вопросы обратимся к сформировавшемуся пониманию связи технологий и социального контекста.

Интернет в социальном контексте

Оценка общественной и политической значимости конкретной технологии начинается с вопроса о нейтральном характере ее сущности. Распространено представление о подчиненности технологий целям, которые определяют конечные пользователи. Технология при этом играет роль пассивного посредника. В этой перспективе формы ее повседневного использования во многом определяются ранее сложившимися практиками и утилитарными потребностями, которые служат ориентирами для разработчиков и производителей. Зачастую производитель определяет предпочтительные формы использования технологии при помощи инструкций или пользовательских соглашений, что, однако, не исключает их творческого переосмысления, переработки и применения в иных целях и контекстах. В качестве иллюстрации этого тезиса можно заметить, что Интернет изначально предназначался для передачи формальной информации в рамках бюрократических процессов, но неформальная коммуникация, осуществлявшаяся во все большем объеме, потребовала разработки нового, изначально не запланированного оборудования и ПО. Далее, в период коммерциализации Интернет принимает черты пространства торговли и элемента финансовой инфраструктуры [5. С. 135]. В этой перспективе технология только предоставляет возможности для реализации существ-

вующих практик и потребностей целевой аудитории, которые могут быть поддержаны и закреплены на институциональном уровне. Нейтральное понимание сущности технологии, таким образом, обращает внимание на действия пользователей и институты, в которые встраивается конкретная технология. Их особенностями и объясняются конкретные формы использования технологии.

Альтернативный взгляд утверждает, что именно по причине встроенности технологии в институты, ее нейтральность изначально невозможна. Коммуникационные технологии не нейтральны в двух отношениях: во-первых, они сформированы под воздействием интересов государства и бизнеса, являясь результатом их соперничества (что подтверждается историей развития Интернета); во-вторых, они поощряют определенные формы взаимодействия и могут служить закреплению существующих форм неравенства, а не их преодолению [6. С. 10]. Согласно Фуко, технологии служат неявному распространению власти в пределах, описанных как «сфера, в которой капитал стремится влиять не на идеи или прибыли, а на ритмы, паттерны, скорости, фактуры и порядки повседневной жизни ... – поле функционирования систем микро-власти» [7. С. 46]. Действительно, опосредование общения, нарастание объемов информации и скорости ее передачи, стирание эффектов географической и временной дистанций могут быть рассмотрены именно как такие изменения в ритмах, паттернах и порядках повседневности, которые оказываются неподконтрольными регуляции и публичной рефлексии. Пессимистическая оценка отрицает нейтральность технологии и потенциал ее демократического использования, указывая на закреплённость институциональных интересов в самой технологии и инструментализацию общения. В отличие от представления о нейтральности эта точка зрения подчеркивает асимметрию в отношениях институционализированных интересов и конечных пользователей, при которой неравенства сохраняются, а не преодолеваются. Нормы использования, таким образом, оказываются вписанными в саму технологию и отражают интересы производителя [8]. Подобное одностороннее влияние продолжается в конструировании роли пользователя, находящегося в ограниченных условиях лицензионных соглашений отношениях с производителем оборудования, поставщиком услуг или владельцем сайта. Все это приводит к неспособности производить независимый от частных коммерческих и политических интересов мета-дискурс, описывающий и при необходимости критикующий сложившиеся правила и формы использования Интернета.

Оба понимания технологии смешиваются в концепциях, связанных с демократическим использованием Интернета и его регуляцией. В концепции публичной сферы изначально подразумевается нейтральность технологии. Появление пространства для общения, свободного от влияния политики и экономики, обусловлено социальными и историческими условиями. Принимая эту точку зрения, мы должны признать коммуникативный ресурс Интернета не более свободным или же затрудняющим взаимодействие, чем традиционные медиа. Публичное пространство Интернета определяется конкретными формами использования и преобладающими институционализированными интересами, а также регулируемыми коммуникативную практику

нормами и правилами. Отказ от нейтральности наблюдается в крайне оптимистичных и пессимистичных оценках функционирования Интернета. В рамках первых децентрализованная сетевая инфраструктура выступает гарантом свободы высказываний и снижения влияния политических и экономических интересов. Пессимистические оценки, наоборот, указывают на возникновение негативных последствий тех же самых технологических черт, в которых закрепляется текущий баланс сил и интересов.

Государство также смешивает оба подхода к нейтральности сети. Оно подразумевает не-нейтральную организацию Интернета, обвиняя, по крайней мере на уровне риторики, в провоцировании экстремизма и политической нестабильности. В то же время нейтральность и подконтрольность технологии задаваемым извне целям подразумеваются при попытках осуществления централизованной регуляции технологической основы сети либо контроля за распространяемой информацией. Так, правительство Китая управляет трансграничными потоками информации, фактически создавая закрытый от остального мира сегмент Интернета. Кроме того, оно применяет масштабную цензуру сообщений и материалов, задействуя для этой цели, предположительно, десятки или сотни тысяч цензоров [9. С. 330].

Противоречие между оценками, обусловленными двумя различными понятиями о нейтральности Интернета, заостряется следующими вопросами. Если Интернет свободен и независим, то почему нарастает его коммерциализация? Если он способствует свободному общению и доступу к источникам объективной информации, чем объясняется нарастающая фрагментация аудиторий и поляризация мнений?

Существует оправданное возражение против резко критической оценки коммерциализации Интернета, указывающее на вклад рынка и частных инвестиций в распространение технологии и повышение ее доступности. В ситуации ограниченного доступа к Интернету его потенциальные возможности не могут быть реализованы большинством граждан, и потому разработка доступных технологий частными компаниями должна внести позитивный вклад в осуществление предлагаемых технологией возможностей. Критическая теория общества подчеркивает, что предлагаемые экономической или политической системой новые возможности могут использоваться в проектах эмансипации. Но отказ от этих возможностей оборачивается колонизацией и заменой коммуникативной рациональности на инструментальную [4]. Сама возможность достижения взаимопонимания в условиях колонизации коммуникативной системы нарушается систематическими искажениями коммуникации. Фактически влияние коммерческих интересов на публичную сферу приводит к маргинализации ее основного компонента — критического дискурса. Развитие инфраструктуры публичной сферы после коммерциализации определяется не потребностями граждан, а потребностями экономической системы, входящими в противоречие со способами использования технологии, возникающими в повседневности. Новые способы использования могут служить достижению таких неартикулированных целей, как сбор информации об интересах и потребительских предпочтениях пользователей.

Исключительная роль, которую играют ИТ-компании в управлении технологиями, объясняется их сложностью и недостатком экспертного знания

среди пользователей и государственных регулирующих органов. Некоторые примеры законодательных инициатив показывают, что технологические особенности организации Интернета далеко не всегда учитываются в государственной практике регулирования [10. С. 53–58]. Недостаток информации о сфере, подвергаемой регулированию, приводит к компромиссному варианту партнерства государства и частных ИТ-компаний. В настоящее время во многих странах регулирование информационного пространства и инфраструктуры Интернета осуществляется путем передачи части полномочий компаниям, обладающим экспертным знанием в этой области. В результате ИТ-компании концентрируют в своих руках значительные возможности для определения направления развития технологии, формирования ее образа и правил использования.

Некоторые критики приходят к радикальному выводу, что закрепившееся представление о демократическом потенциале Интернета является специально сконструированным коммерческими компаниями. Воплощение центральных ценностей демократии в материальной форме сетевых коммуникационных технологий только внешним образом поощряет независимость публики, скрыто усиливая власть капитала. Декларируемые идеалы доступности, включения, обсуждения и участия проявляются как физические характеристики машины или программного обеспечения, а не как результат человеческих отношений. В реальности индивидуальные действия, ставшие возможными благодаря новым технологиям, не имеют политического эффекта. Характеристики участия и взаимодействия в Интернете оказываются так же далеки от идеала публичности, как и инструментальные формы его использования.

Характеристики публичности в Интернете

Критики демократического потенциала Интернета не раз подчеркивали, что отсутствие взаимодействия в ситуации лицом-к-лицу затрудняет подробное обсуждение каких-либо тем и фактически может снизить уровень политического участия граждан [12]. Выполнение принципа коммуникативной рациональности и возможность осуществления подлинного диалога среди равных участников оказываются ограниченными структурой презентации себя и восприятия других, характеризующей виртуальное взаимодействие. В феноменологической перспективе формирование публичного пространства в опосредованной коммуникации составляет проблему в силу отсутствия условий конструирования сообщества как совместного соприсутствия в пространстве и времени. Статус интерсубъективности – восприятия других – в виртуальном пространстве также затрудняет принятие перспективы другого, необходимое для ведения дискуссии. Только непосредственное восприятие партнера позволяет соотносить себя с ним и конструировать субъективный смысл его высказываний. Непосредственное переживание заменяется опосредованными представлениями, затрудняющими подлинное принятие перспектив участников публичного взаимодействия.

Другие в виртуальном пространстве не только бестелесны, но и анонимны. Неопределенность виртуальной идентичности, с одной стороны, в значительной степени предотвращает исключение из публичного пространства целых групп на основе сложившихся представлений о легитимных участниках публичной коммуникации. За счет стирания статусных и ролевых различий

в публичном пространстве Интернета влияние закрепленных идентичностей приостанавливается, а неравенства могут быть преодолены. Сохранение анонимности участников позволяет приблизиться к реализации принципа принудительной силы наилучшего аргумента, выделенного Хабермасом в качестве одного из определяющих признаков коммуникации в публичной сфере. С другой стороны, из анонимности следует неопределенность аудитории, которая означает невозможность поддержки нормативных ожиданий. Неопределенность аудитории затрудняет формулировку обращений и в то же время не гарантирует принудительный эффект речи и достигнутой договоренности [5. С. 253–254]. Кроме того, в качестве альтернативы анонимности развились механизмы поддержания идентичности посредством самопрезентации, поощряемые, в первую очередь, социальными сетями. Их влияние на характер высказываний, предположительно, также является двойственным: с одной стороны, участники становятся более ответственными за счет указания авторства сообщений и ожидания возможных санкций со стороны других (как потенциальной аудитории, так и реального окружения); с другой стороны, речь теперь может опираться на статусные различия и служить их поддержке.

Изменения в роли, которую играет идентичность, приводят к трансформации соотношения публичного и частного: «Роль частного электронного пространства увеличивается и меняет структуру публичного» [5. С. 256]. Закрепление за частным содержанием статуса публичного приводит к вытеснению публичных форм общения [12. С. 54]. Зафиксированные в различных формах события частной жизни, составляющие значительную часть так называемого «user-generated content» — пользовательского содержания, конкурируют за внимание аудитории наравне с традиционными видами публичной информации. Вместе с тем поддержание многообразия индивидуальных различий приводит к фрагментации публичного пространства, в котором участники испытывают недостаток стимулов для обращения к другим на основании общих интересов или разделяемых проблем. Более того, монологическая форма коммуникации поощряется на уровне структуры многих веб-сайтов, частным примером которой является раздел комментариев без функции создания веток сообщений, адресованных конкретным участникам. По мнению ряда исследователей, фрагментация публичного пространства создает эффект эхо-камеры, негативным выражением которого является воспроизводство идеологий и вытеснение критических высказываний [13]. Таким образом, в виртуальном общении становится значительно труднее не только сформировать единую позицию по проблеме, но и определить сам круг обсуждаемых вопросов.

Заключение

Указанные проблемы ставят под сомнение возможность осуществления успешного публичного взаимодействия в Интернете, которое было бы свободно от влияния экономической и политической систем общества. Степень осознания данных проблем пока недостаточна для начала дискуссии и поиска решений. По мнению критиков, причины такого положения лежат в господстве коммерческих интересов в сфере создания и регулирования технологий, сетевой инфраструктуры и онлайн-сервисов. Может ли Интернет освободить-

ся от стандартов использования и развития, не затрагиваемых публичным обсуждением? Оптимисты полагают, что возможность влияния на правила, регулирующие использование сетевой инфраструктуры, возникает из переосмысления предлагаемых правил и творческого использования технологии. Скептическая точка зрения указывает на определяющую роль интересов коммерческих компаний. Вне зависимости от выбора способа оценки критически важным должно стать публичное обсуждение, которое позволит оспорить или дополнить те или иные точки зрения, касающиеся принципов регулирования сети. Это особенно актуально в условиях, когда сложившиеся способы использования Интернета находятся в противоречии с защитой базовых прав на свободу выражения, собрания, тайну частной жизни. Осуществляемый в публичной сфере мета-дискурс об условиях общения должен начинаться с критической оценки декларируемых свойств открытости, нейтральности и демократичности Интернета. Под вопрос должны быть поставлены существующие практики, их последствия и желательность. Хабермас предполагает, что толчок публичному принятию решений в соответствии с его теорией могут дать заинтересованные граждане и активисты, работающие над созданием небольших коммуникативно-ассоциативных институтов, которые будут принимать участие в практическом дискурсе и со временем объединятся в большие институты. Вопрос заключается в том, какое из существующих публичных пространств поможет реализовать такой проект: Интернет, масс-медиа или же традиционное общественное собрание, свободное от ограничений опосредованного общения.

Литература

1. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. – MIT press, 1991.
2. *Cavalier R., Ess C.* Introduction to Habermas's Discourse Ethics. URL: <http://www.phil.cmu.edu/cavalier/Forum/meta/background/HaberIntro.html> (дата обращения: 22.01.2016).
3. *Øyen S. A.* Intersubjectivity – an existentialist, phenomenological and discourse ethical approach // Phenomenology and Existentialism in the Twentieth Century: Book III. Heralding the New Enlightenment / ed. by Tymieniecka A–T. Springer Netherlands, 2010.
4. *Powell J. L., Moody H. R.* The Challenge of Modernity: Habermas and Critical Theory // Theory and Science. Vol. 4, Iss. 1. 2003. URL: http://theoryandscience.icaap.org/content/vol4.1/01_powell.html (Accessed: 20.08.2015).
5. *Bohman J.* Expanding dialogue: the Internet, the public sphere, and prospects for transnational democracy // The Sociological Review. 2004. Vol. 52, № 1.
6. *Fuchs C.* Social media: A critical introduction. London: Sage, 2014.
7. *Robins K., Webster F.* Cybernetic capitalism: Information, technology, everyday life // The political economy of information / ed. by Mosco V., Wasko J. – University of Wisconsin Press, 1988.
8. *Boyle J.* Foucault in Cyberspace: Surveillance, Sovereignty, and Hardwired Censors // University of Cincinnati Law Review. 1997. Vol. 66.
9. *King G., Pan J., Roberts M.E.* How censorship in China allows government criticism but silences collective expression // American Political Science Review. 2013. Vol. 107. No. 2.
10. *Claffy K.C., Meinrath S.D., Bradner S.O.* The (un)Economic Internet? // Internet Computing, IEEE. 2007. Vol. 11, No. 3.
11. *Williams R.W.* Democracy, Cyberspace, and the Body // Cultural Logic. 2006. Vol. 9. URL: <http://clogic.eserver.org/2006/williams.html> (дата обращения: 20.08.2015).
12. *Ludes P.* Globalising Network Public Spheres. The Dissolution of the Public Sphere into Private Attention Markets // Javnost – The Public. 2009. Vol. 16, No. 1.

13. Smith M.A. et al. Mapping twitter topic networks: From polarized crowds to community clusters // Pew Research Internet Project. 2014. URL: http://www.pewinternet.org/files/2014/02/PIP_Mapping-Twitter-networks_022014.pdf (дата обращения: 19.09.2015).

Antonyuk Artem M., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

E-mail: artiom.a000@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/33/15

VIRTUAL PUBLIC SPHERE: THE POTENTIAL OF DEMOCRATIZATION

Keywords: public sphere, virtual communication, Internet, critical theory, Jürgen Habermas.

The article discusses some features of the Internet, which are inhibiting its use as a public sphere. A sociological perspective as an alternative to legal, political, and economic views helps develop new criteria for determining quality of virtual communications. Novel understanding of the problems may stimulate reflection on the existing conditions of communication and influence their regulation.

References

1. Habermas, J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Boston: MIT press.
2. Cavalier, R. & Ess, C. (n.d.) *Introduction to Habermas's Discourse Ethics*. [Online] Available from: <http://www.phil.cmu.edu/cavalier/Forum/meta/background/HaberIntro.html>. (Accessed: 22nd January 2016).
3. Øyen, S.A. (2010) Intersubjectivity – an existentialistic, phenomenological and discourse ethical approach. In: Tymieniecka, A–T. (ed.) *Phenomenology and Existentialism in the Twentieth Century. Book III. Heralding the New Enlightenment*. Springer Netherlands.
4. Powell, J.L. & Moody, H.R. (2003) The Challenge of Modernity: Habermas and Critical Theory. *Theory and Science*. 4(1).
5. Bohman, J. (2004) Expanding dialogue: the Internet, the public sphere, and prospects for transnational democracy. *The Sociological Review*. 52(1). DOI: 10.1111/j.1467-954X.2004.00477.x.
6. Fuchs, C. (2014) *Social media: A critical introduction*. London: Sage.
7. Robins, K. & Webster, F. (1988) Cybernetic capitalism: Information, technology, everyday life. In: Mosco, V. & Wasko, J. (eds) *The political economy of information*. University of Wisconsin Press.
8. Boyle, J. (1997) Foucault in Syberspace: Surveillance, Sovereignty, and Hardwired Censors. *University of Cincinnati Law Review*. 66.
9. King, G., Pan, J. & Roberts, M.E. (2013) How censorship in China allows government criticism but silences collective expression. *American Political Science Review*. 107(2). DOI: 10.1017/S0003055413000014
10. Claffy, K.C., Meinrath, S.D. & Bradner, S.O. (2007) The (un)Economic Internet? *Internet Computing, IEEE*. 11(3). DOI: 10.1109/MIC.2007.72
11. Williams, R.W. (2006) Democracy, Cyberspace, and the Body. *Cultural Logic*. 9.
12. Ludes, P. (2009) Globalising Network Public Spheres. The Dissolution of the Public Sphere into Private Attention Markets. *Javnost – The Public*. 16(1). DOI: 10.1080/13183222.2009.11008997
13. Smith, M.A. et al. (2014) *Mapping twitter topic networks: From polarized crowds to community clusters*. [Online] Available from: http://www.pewinternet.org/files/2014/02/PIP_Mapping-Twitter-networks_022014.pdf. (Accessed: 19th September 2015).